Субъективная добросовестность при восстановлении срока на принятие наследства

Суриков Михаил Анатольевич
аспирант, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Московский финансово-юридический университет МФЮА, SurikoW.mikhail@yandex.ru

В статье исследуется правовое значение конструкции «не знал и не должен был знать», закреплённой в пункте 1 статьи 1155 Гражданского кодекса РФ, как самостоятельного основания для восстановления судом срока на принятие наследства. Автор раскрывает соотношение объективной и субъективной добросовестности, обосновывает квалификацию извинительного незнания как отдельного юридического факта в рамках отношений по наследованию имущества, отличного от «иных уважительных причин», анализирует противоречивую практику Верховного Суда РФ, а также отмечает необходимость корректировки процессуального бремени доказывания и преодоления текущего подхода нижестоящих судов к оценке отношений наследника с наследодателем.
Ключевые слова: наследственное право; субъективная добросовестность; извинительное незнание; восстановление срока на принятие наследства; уважительные причины; должная осмотрительность; бремя доказывания.

Введение

Институт восстановления срока на принятие наследства, закреплённый в ст. 1155 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ), выполняет в рамках наследственных правоотношений одновременно охранительную и компенсаторную функцию, позволяя преодолеть жёстко установленный ст. 1154 ГК РФ срок 6 месяцев и сохранить за «опоздавшим» наследником соответствующее право. Судебная статистика подтверждает актуальность темы подтверждается и судебной статистикой: С.Б. Серенко, анализируя данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ, указывает, что около 13% (38 922 дела) от всех наследственных споров, рассмотренных судами общей юрисдикции в 2023 году (136 707 дел), были посвящены указанному вопросу.

Гипотеза п. 1 ст. 1155 ГК РФ имеет неоднородную структуру и предусматривает два самостоятельных юридических состава, с каждым из которых в отдельности закон связывает возможность восстановления судом пропущенного срока: во-первых, «наследник не знал и не должен был знать» об открытии наследства (так называемое уважительное или извинительное незнание); во-вторых, пропуск срока по другим уважительным причинам. Данное разграничение является одним из проявлений общей материально-правовой идеи о существовании в структуре общего понятия добросовестности самостоятельной разновидности — субъективной доброй совести, понимаемой как специальное состояние неосведомлённости лица о юридически значимых фактах, при условии, что эта неосведомлённость носит извинительный, то есть оправданный с точки зрения должной осмотрительности характер.

Однако правоприменительная практика, как будет рассмотрено далее в настоящей работе, демонстрирует тенденцию к смешению указанных составов и не различает «извинительное незнание» и «иные уважительные причины», применяя стандартный алгоритм доказывания – наследнику требуется представить доказательства объективной невозможности своевременного обращения за наследством. Подобный подход противоречит системному толкованию п. 1 ст. 1155 ГК РФ и игнорирует развитие доктрины субъективной добросовестности, что в конченом счете приводит или может привести к необоснованному отказу в иске и фактическому прекращению наследственных прав в противоречие с ч. 4 ст. 35 Конституции РФ.

В настоящем исследования предпринята попытка выявить материально-правовую и процессуальную природу субъективной добросовестности применительно к восстановлению срока на принятие наследства, обозначить теоретические и практические проблемы, возникающие при применении п. 1 ст. 1155 ГК РФ, и сформулировать предложения по корректировке судебной практики.

1. Понятие и место субъективной добросовестности в структуре общего понятия добросовестности

В ходе реформы гражданского законодательства 2012–2013 годов понятие добросовестности было введено в текст ГК РФ в качестве одного из основных начал гражданского законодательства (п. 3–4 ст. 1, ст. 10 ГК РФ). Однако к тому моменту добросовестность уже была закреплена в законе в рамках отдельных институтов как специальная конструкция, применяемая к отдельным фактическим составам, и её одновременное существование как универсального стандарта поведения актуализировало давнюю доктринальную проблему — проблему разграничения добросовестности объективной и субъективной.

Классическое определение последней было дано И.Б. Новицким, который определял субъективную добросовестность как «определённое сознание того или иного лица, как неведение

некоторых обстоятельств, с наличностью которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия». К.В. Нам последовательно проводит линию о том, что субъективная добросовестность представляет из себя особое психическое (когнитивное) состояние лица, при котором оно не обладает информацией о юридически значимых обстоятельствах, а объективная добросовестность отражает стандарт поведения, ожидаемый от участника гражданского оборота в сравнимых условиях. В.Г. Голубцов обращает внимание на то, что субъективная добросовестность представляет собой «специальную конструкцию, отражающую обстоятельства извинительного незнания в структуре объективной добросовестности», при этом извинительное незнание следует отличать от ситуаций «простого незнания», не подлежащих самостоятельной правовой оценке.

Резюмируя, не всякое незнание лицом юридически значимого факта является основанием для предоставления ему правовой защиты — только такое, которое в данных конкретных обстоятельствах с учетом разумных и осмотрительных действий лица, не могло быть преодолено, и на основании этого не может быть поставлено последнему в вину. Технически субъективная добросовестность в нормах ГК РФ закреплена через лексическую формулу «не знал и не должен был знать» либо «не знал и не мог знать».

Принципиально значимо, что добросовестность в её субъективном значении не сводится к презумпции добросовестности, закреплённой в п. 5 ст. 10 ГК РФ, так как Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 года № 25 в п. 1 разъясняет добросовестность через «любые активные действия лица, направленные на получение выгоды от своего положения, которые при этом не влекут за собой нарушение требований законодательства», тем самым ориентирует преимущественно на оценку поведения через призму объективной добросовестности и недопустимости злоупотребления правом. Однако субъективная добросовестность требует установления факта когнитивного состояния (неосведомлённости) лица, а не оценки активного поведения, и смешение указанных смыслов приводит к фокусу судов на поиске «недолжной заботы» наследника, а не установления состояния извинительного незнания.

Таким образом, для целей применения п. 1 ст. 1155 ГК РФ субъективная добросовестность должна быть понята как нормативно закреплённое состояние извинительной неосведомлённости наследника относительно факта открытия наследства, при котором такое незнание не вменяется ему в вину, последствием признания которого является основанием для предоставления наследнику правовой защиты в виде восстановления пропущенного срока.

2. Разграничение «извинительного незнания» и «иных уважительных причин»

Законодатель в норме п. 1 статьи 1155 ГК РФ два самостоятельных, альтернативно действующих основания для восстановления срока, каждое из которых характеризуется собственным предметом и распределением бремени: извинительное незнание или иные уважительные причины. На эту особенность рассматриваемого положения закона обращает внимание Е.Г. Комиссарова: «Союз “или” и союз “и”, как известно, имеют разные смысловые оттенки. Первый несёт на себе смысловую нагрузку возможностей выбора».

Для применения первого основания — классического образца нормы о субъективной добросовестности — суду необходимо установить два связанных между собой обстоятельства: (1) фактическое отсутствие у наследника знания об открытии наследства и (2) отсутствие у него обязанности такое знание получить. В.Г. Голубцов подчеркивает, что в подобных делах включаются «специальные правила доказывания», при которых сторона, ссылающаяся на извинительную неосведомлённость, приводит факты, ставшие её причиной, а вторая сторона обязана их опровергнуть.

Второе основание — «иные уважительные причины» — относится к ситуациям, когда наследник знал об открытии наследства, но в силу объективных обстоятельств, как правило связанных с его личностью (тяжёлая болезнь, беспомощное состояние, длительная командировка, нахождение в зоне военных действий и т.п.), не имел реальной возможности обратиться за принятием наследства. Здесь действует общий стандарт доказывания: истец доказывает наличие и уважительный характер причины, а также то, что эта причина действовала на протяжении всего срока 6 месяцев.

Ю.Ф. Беспалов, перечисляя обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения споров о восстановлении срока на принятие наследства, прямо называет «незнание об открытии наследства при должной добросовестности, разумности и осмотрительности» в качестве самостоятельного юридически значимого обстоятельства, отличного от «иных уважительных причин». Между тем Е.Г. Комиссарова отмечает, что правоприменительная практика демонстрирует «фактическую статичность конструкции»: в подавляющем большинстве критерий «не знал и не должен был знать» как самостоятельное основание иска игнорируется, а предмет доказывания сводится исключительно к установлению «иных уважительных причин». Вероятно, такой подход выводится из п. 40 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9, который фактически дублирует текст п. 1 ст. 1155 ГК РФ.

В случае признания извинительного незнания самостоятельным юридическим основанием иска неизбежно ставит вопрос о специальных правилах доказывания. В.Г. Голубцов указывает на необходимость особого распределения бремени доказывания в подобных делах: «сторона, ссылающаяся на извинительную неосведомлённость, приводит те факты, которые стали причиной неосведомлённости, а вторая сторона обязана опровергнуть их». Эта модель распределения бремени соответствует логике презумпции добросовестности, установленной п. 5 ст. 10 ГК РФ.

Применительно к делам о восстановлении срока на принятие наследства можно выделить следующий типичный набор доказательственных фактов:

- отсутствие у наследника информации об открытии наследства до определённого момента (что обычно подтверждается косвенными доказательствами: данными о месте жительства, отсутствием правоустанавливающих документов и т.п.);
- отсутствие у наследника объективной возможности или нормативной обязанности получить такую информацию своевременно (с учетом его отношений с наследодателем);
- факт своевременного обращения в суд с момента, когда причины незнания отпали (в течение 6 месяцев, предусмотренных абз. 1 п. 1 ст. 1155 ГК РФ).

Необходимо учитывать, что в силу ст. 61 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариус извещает известных ему наследников об открытии наследственного дела. Однако как отмечает Е.Г. Комиссарова, существующий порядок нотариальной фиксации сведений о наследниках в значительной мере опирается на информацию, добровольно сообщаемую явившимися наследниками, и не предусматривает эффективного механизма самостоятельного розыска «отсутствующих» наследников нотариусом. Кроме того С.А. Смирнов указывает, что само по себе наличие в производстве нотариуса наследственного дела и информации в реестре завещаний не обеспечивает практической доступности этих данных для лица, не подозревающего о своём наследственном праве; следовательно, ожидать от такого наследника активных действий по запросу нотариальных сведений было бы избыточным.

М.В. Волгаев применительно к доктрине принятия наследства отмечает на необходимость более чёткого различения волевой составляющей акта принятия от сопровождающих его процессуальных формальностей; для целей восстановления срока критичным становится именно вопрос о том, могла ли

воля наследника на принятие наследства сформироваться вовремя — то есть имелась ли у него информация, без которой такое волевое решение в принципе невозможно.

Нельзя обойти вниманием и значение презумпции добросовестности в спорах о восстановлении срока. Ю.В. Виниченко обоснованно констатирует, что презумпция, закреплённая в пункте 5 статьи 10 ГК РФ, имеет универсальный процессуальный эффект — она освобождает лицо, ссылающееся на свою добросовестность, от необходимости доказывать её прямо и переносит бремя её опровержения на оппонента.

3. Содержательная интерпретации категории «должен был знать»

Категория «не знал» в составе п. 1 ст. 1155 ГК РФ относительно ясна и подразумевает фактическое отсутствие у наследника информации, однако категория «не должен был знать» предполагает оценку поведения наследника с точки зрения должного — иначе говоря, ответ на вопрос, обязан ли был наследник, действуя разумно и осмотрительно, такое знание получить.

Сложившаяся судебная практика раскрывает последнюю через так называемую социальную обязанность поддерживать родственные отношения. И.Г. Ренц констатирует, что «в делах, где основанием восстановления срока заявляется незнание об открытии наследства, суды ориентируются на наличие у родственников социальной обязанности знать о событиях в жизни друг друга». Соответствующая позиция была воспроизведена в целом ряде определений Верховного Суда РФ: при должной осмотрительности и заботливости наследники могли и должны были знать о смерти наследодателя; нежелание поддерживать родственные отношения и отсутствие интереса к судьбе наследодателя не признаются уважительной причиной пропуска срока.

Подобный подход вызывает обоснованную критику, так, С.Б. Серенко указывает, что суды «придают аргументу к морали юридическую значимость и выводят из него юридические последствия», что недопустимо: «насколько бы ни были с точки зрения общественной морали порицаемы поступки наследников, это не влияет на их право наследовать», за исключением случаев недостойного наследования (статья 1117 ГК РФ).

Кроме того, понятие должной осмотрительности и заботливости заимствовано судами из контекста статьи 401 ГК РФ, где оно служит критерием оценки наличия вины должника за неисполнение обязательства. Перенос этой конструкции в наследственные отношения, в которых правонарушение со стороны наследника отсутствует в принципе, представляется методологически некорректным. Более правильным является толкование данных понятий через объективную добрую совесть: если конкретные жизненные обстоятельства давали наследнику инструмент для получения информации об открытии наследства, и любой разумный человек в его положении такой информацией воспользовался бы, незнание признаётся неуважительным; если же таких обстоятельств не было, незнание следует квалифицировать как извинительное.

В то же время, в последние годы на уровне Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ в последние годы наметилась тенденция к корректировке практики и признанию самостоятельного значения извинительного незнания применительно к наследникам по завещанию.

Показательным является Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июля 2022 года № 5-КГ22-50-К2. В рамках данного дела наследодатель в 1998 году составила завещание, по которому квартира завещалась гражданке К., а в случае её смерти или непринятия наследства — гражданке Е. После открытия наследства первоначальная наследница умерла, не успев заявить о принятии наследства, а истица Е., не состоявшая с наследодателем в родственных или дружеских отношениях, узнала о завещании со значительной задержкой. Суд первой инстанции иск удовлетворил, апелляция и кассация — отказали, сославшись на отсутствие препятствий к поддержанию отношений с наследодательницей. Верховный Суд РФ признал такой подход формальным и направил дело на новое рассмотрение, указав на необходимость оценить именно тот факт, что истица не знала и не могла знать о том, что является подназначенной наследницей. Аналогичную позицию Верховный Суд подтвердил в Определении от 21.03.2023 № 5-КГ23-12-К2, признав уважительность незнания бывшей жены о завещании, составленном супругом в её пользу в период брака.

Отдельно следует рассмотреть Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.09.2023 года № 78-КГ23-35-К3, в рамках которого рассматривался вопрос о восстановлении срока для наследников по завещанию, проживающих в Бухаресте (Румыния) и не знавших о смерти своей тёти-наследодателя, проживавшей в Санкт-Петербурге; о завещании и об открытии наследства они узнали лишь после того, как сын наследодателя, лишённый ею наследства, разыскал их через социальные сети и сообщил о смерти. Комментируя это определение, С.А. Смирнов отметил, что «для восстановления наследникам срока на принятие наследства по завещанию было бы достаточно факта извинительного незнания о наличии завещания в их пользу при соблюдении сроков исковой давности — как объективного, так и субъективного». В то же время необходимо подчеркнуть, что обозначенный поворот пока касается преимущественно дел о наследовании по завещанию и не распространяется в полной мере на дела о наследовании по закону.

Дополнительным ориентиром служит Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3, утверждённый Президиумом ВС РФ 25 ноября 2020 года, в п. 35 которого сформулирована универсальная позиция: оценка должной осмотрительности должна исходить из стандарта осмотрительного поведения, ожидаемого от разумного участника гражданского оборота в сравнимых обстоятельствах. Перенос этой логики в плоскость наследственных дел означает, что суд при применении пункта 1 статьи 1155 ГК РФ должен оценивать поведение наследника не сквозь призму абстрактных моральных представлений о «должной заботе» о родственнике, а в контексте конкретных житейских обстоятельств и характера отношений с наследодателем.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд итоговых выводов.

Во-первых, конструкция «не знал и не должен был знать», закреплённая в п. 1 ст. 1155 ГК РФ, представляет собой нормативное выражение субъективной добросовестности, отражающей состояние извинительной неосведомлённости лица о юридически значимых обстоятельствах. Эта конструкция самостоятельна по отношению к категории «иных уважительных причин» и образует отдельный юридический состав, влекущий восстановление пропущенного срока на принятие наследства.

Во-вторых, сложившаяся судебная практика фактически сводит оба основания п. 1 ст. 1155 ГК РФ сводятся к единому стандарту доказывания «иных уважительных причин», что искажает смысл закона и необоснованно распределяет бремя доказывания. Обозначившаяся в практике Верховного Суда РФ последних лет тенденция к признанию извинительного незнания самостоятельным основанием иска заслуживает поддержки, и может быть закреплена на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

В-третьих, подход к категории «должен был знать», требующий от наследника поддержания родственных отношений с наследодателем как условия принятия наследства, следует скорректировать в пользу интерпретации «должной осмотрительности» в сторону сопоставления поведения конкретного наследника с поведением разумного участника наследственного правоотношения.

В-четвёртых, в делах о восстановлении срока на принятие наследства, основанных на ссылке истца на извинительное не-

знание, должно действовать специальное распределение бремени доказывания: истец представляет фактический материал, из которого следует его неосведомлённость и её извинительный характер; ответчик (как правило, другие наследники либо публично-правовое образование, претендующее на выморочное имущество) обязан опровергнуть эти обстоятельства, что следует из презумпции добросовестности, закреплённой в п. 5 ст. 10 ГК РФ.

Литература

1. Беспалов Ю.Ф. Обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения и разрешения споров о наследовании / Ю.Ф. Беспалов // Наследственное право. — 2021. — № 2. — С. 15–19.
2. Виниченко Ю.В. О презумпции добросовестности в гражданском праве / Ю.В. Виниченко // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — Т. 160, кн. 2. — С. 285–300.
3. Волгаев М.В. Принятие наследства: доктрина и практика / М.В. Волгаев // Нотариус. — 2020. — № 4. — С. 8–13.
4. Голубцов В.Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности / В.Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2019. — Вып. 45. — С. 490–518.
5. Голубцов В.Г. Судебное доказывание обстоятельств субъективной добросовестности / В.Г. Голубцов // Вестник гражданского процесса. — 2020. — № 5. — С. 36–63.
6. Комиссарова Е.Г. Проблемы правоприменительного толкования правил ГК РФ о восстановлении срока на принятие наследства / Е.Г. Комиссарова // Наследственное право. — 2019. — № 2. — С. 29–33.
7. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики / К.В. Нам. — М.: Статут, 2019. — 278 с.
8. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 ГК РФ / Отв. ред. Е.Ю. Петров. — М.: М-Логос, 2018. — 656 с.
9. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И.Б. Новицкий // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1. — С. 124–181.
10. Серенко С.Б. Восстановление срока для принятия наследства: сложные вопросы теории и практики / С.Б. Серенко // Гражданское право. — 2024. — № 6. — С. 32–36. // СПС «Консультант Плюс»
11. Смирнов С.А. Забытое завещание. Комментарий к Определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 26 сентября 2023 года № 78-КГ23-35-К3 / С.А. Смирнов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2024. — № 1. — С. 4–17. // СПС «Консультант Плюс»

Subjective good faith in restoring the deadline for accepting an inheritance

Surikov M.A.

Moscow University of Finance and Law (MFUA)

This article examines the legal significance of the concept "did not know and should not have known," enshrined in paragraph 1 of Article 1155 of the Civil Code of the Russian Federation, as an independent basis for the court to reinstate the time limit for accepting an inheritance. The author explores the relationship between objective and subjective good faith, substantiates the classification of excusable ignorance as a separate legal fact in property inheritance relations, distinct from "other valid reasons," analyzes the contradictory practice of the Supreme Court of the Russian Federation, and notes the need to adjust the procedural burden of proof and overcome the current approach of lower courts to assessing the relationship between the heir and the testator.

Keywords: inheritance law; subjective good faith; excusable ignorance; reinstatement of the time limit for accepting an inheritance; valid reasons; due diligence; burden of proof.

References

1. Bespalov Yu.F. Circumstances Relevant to the Consideration and Resolution of Inheritance Disputes / Yu.F. Bespalov // Inheritance Law. - 2021. - No. 2. - Pp. 15-19.
2. Vinichenko Yu.V. On the Presumption of Good Faith in Civil Law / Yu.V. Vinichenko // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. - 2018. - Vol. 160, Book 2. - Pp. 285-300.
3. Volgaev M.V. Acceptance of Inheritance: Doctrine and Practice / M.V. Volgaev // Notary. - 2020. - No. 4. - Pp. 8-13.
4. Golubtsov V.G. Subjective good faith in the structure of the general concept of good faith / V.G. Golubtsov // Bulletin of Perm University. Legal sciences. - 2019. - Issue. 45. - P. 490-518.
5. Golubtsov V.G. Judicial proof of circumstances of subjective good faith / V.G. Golubtsov // Bulletin of civil procedure. - 2020. - No. 5. - P. 36-63.
6. Komissarova E.G. Problems of law enforcement interpretation of the rules of the Civil Code of the Russian Federation on the restoration of the period for accepting an inheritance / E.G. Komissarova // Inheritance law. - 2019. - No. 2. - P. 29-33.
7. Nam K.V. The principle of good faith: development, system, problems of theory and practice / K.V. Nam. — M.: Statut, 2019. — 278 p.
8. Inheritance Law: Article-by-Article Commentary to Articles 1110–1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. E. Yu. Petrov. — M.: M-Logos, 2018. — 656 p.
9. Novitsky I.B. The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations / I.B. Novitsky // Civil Law Bulletin. — 2006. — No. 1. — Pp. 124–181.
10. Serenko S.B. Restoration of the Time Limit for Accepting an Inheritance: Complex Theoretical and Practical Issues / S.B. Serenko // Civil Law. — 2024. — No. 6. — Pp. 32–36. // SPS "Consultant Plus"
11. Smirnov S.A. Forgotten Will. Commentary on the Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 26, 2023, No. 78-KG23-35-K3 / S.A. Smirnov // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2024. - No. 1. - P. 4-17. // SPS "Consultant Plus"